

КЪ ЗАПИСКАМЪ И. Д. ПОПКИ.

Въ интересныхъ Запискахъ генерала Попки (Русскій Архивъ, 1909 г., № 12, стр. 443—446) излагается легенда о происхожденіи общепринятаго на Кавказѣ привѣтствія при питьѣ вина: „Алла-верды“ и „якши-оль“ (а не якишь-оль, какъ напечатано на стр. 443 и 448; кстати, не азарпета, стр. 446, а азарпеша, не ихиртма, стр. 448, а чихиртма). По этому поводу воспоминается статья Попки, писавшаго въ 50-хъ и 60-хъ годахъ прошлаго столѣтія подъ псевдонимомъ „Есаулъ“, „Вечеръ на зимнихъ квартирахъ“, помѣщенная въ „Военномъ Сборникѣ: 1861 года, № 2, стр. 389—422. Въ этой статьѣ (въ которой встрѣчаются подлинныя выраженія нынѣ печатающихся Записокъ Попки) легенда эта представлена въ иномъ нѣсколько видѣ, болѣе романическомъ и, можетъ быть, болѣе вѣрномъ. Какъ матеріаль для народной словесности Кавказа, извлекаемъ изъ статьи „Есаула“ остовъ легенды.

Во время Кахетинскихъ царей, жившихъ въ Телавѣ, страшное землетрясеніе разрушило монастырь св. Георгія, въ 20 верстахъ отъ города, основанный въ V вѣкѣ. Оно знаменовало собою рожденіе шаха Аббаса, будущей грозы Грузіи. Въ разрушенномъ монастырѣ остался лишь отрокъ *Додо*, учившійся въ немъ и теперь не захотѣвшій покинуть колыбель своего воспитанія. Прошло много лѣтъ, грозный урокъ вышелъ изъ общественной памяти, разладъ и междоусобія усилились; старецъ уже, Додо по временамъ выходилъ изъ своего уединенія въ Телавъ и говорилъ людямъ правдивое слово; но его изгоняли. Между тѣмъ шахъ Аббасъ вторгнулся въ Грузію, завладѣлъ всей Кахетіей и большей частью Карталиніи. Къ нему явился посланный Грузинскаго царя, Карталинскій тавадъ (дворянинъ), высокій и стройный, какъ тополь на берегу Куры. Онъ повергъ къ ногамъ шаха корзину съ свѣжими плодами. Шахъ похвалилъ плоды, съѣлъ самое большое яблоко, вышлюнулъ сѣмена его на ладонь и приказалъ подать копьѣ; боднулъ онъ гибкимъ копьемъ въ землю, бросилъ сѣмена въ яму, заровнялъ ее каблукомъ и сказалъ посланному: „Кланяйся царю и доложи, что пока изъ этихъ сѣмянъ не вырастетъ садъ и я не

вкушу плодовъ отъ него, до тѣхъ поръ не выйду изъ вашей земли“. Выѣхавъ изъ лагеря Персовъ, гдѣ онъ вытерпѣлъ много униженій, посоль царя въ душѣ рѣшилъ освободить родину хотя бы цѣною жертвы своей жены Хорошаны. Посла звали Шіо, и домъ его стоялъ на самой границѣ между Кахетіей и Карталиней; самъ онъ былъ Карталинецъ, а жена его—Кахетинка; и еще не кончился тогда медовый мѣсяцъ ихъ свадьбы.

Овладевъ лучшими областями Грузіи, царь Аббасъ отдалъ между прочимъ два приказа: выбирать красивѣйшихъ жителей обоого пола и отправлять въ Персію на улучшеніе ея народа, и съ каждой новой луной набирать 50 красавицъ и приводить ихъ въ Персидскій лагерь. Шахъ самъ раздавалъ ихъ своимъ воеводамъ, отличившимся въ военныхъ дѣлахъ. А былъ у него одинъ ханъ, по имени Алла-верды, который не дожидался подачи отъ шаха и самъ грабилъ дань въ томъ же родѣ. Это былъ сильный ханъ, богатырь собою, предводитель Татарской конницы, которая составляла лучшее войско шаха. Къ нему-то Шіо рѣшился направить свою жену, чтобы спасти родину. Въ это время царь Грузинскій съ остаткомъ разбитаго войска стоялъ около Мцхета, на крѣпкой позиціи, образованной сліяніемъ Куры и Арагвы. Подъ вліяніемъ проповѣди духовенства, возвысившаго голосъ на спасеніе отечества, забывъ раздоры, народъ взялся за оружіе, и войско царя все росло. Просили помощи и отъ единокровной Имеретіи, просили ее и отъ единовѣрной Москвы. Шіо, возвращаясь отъ шаха, прямо проѣхалъ домой и предложилъ женѣ спасти отечество, отдавъ любовь хану Алла-верды и склонивъ его за то отпастъ отъ шаха, главную силу котораго онъ составлялъ съ своею конницею. Долго боролась Хорошана, наконецъ согласилась на великую жертву.

Самъ Шіо, одѣтый въ лохмотья простолюдина, привелъ Хорошану къ шатру хана. Побѣжденный ея красотою, ханъ цѣною ея любви поклялся измѣнить шаху. Но когда онъ, счастливый ея согласіемъ, наслаждался любовью въ лагерѣ, прискакалъ гонецъ отъ шаха съ извѣстіемъ, что къ Грузинамъ пришли стрѣльцы съ Терека, казаки съ Днѣпра, и, что гяуры выступаютъ изъ Мцхета, и съ приказомъ шаха, чтобы Алла-верды присоединился къ нему черезъ 3 дня. Ханъ тотчасъ же отдалъ соотвѣтственный приказъ, несмотря на упреки Хорошаны въ измѣнѣ своему слову. Тогда она рѣшилась ночью убить его. Во снѣ явился ей старецъ, убѣленный сѣдинами, въ ветхомъ рубищѣ отшельника, съ лицомъ кроткимъ и просвѣтленнымъ постомъ цѣлой жизни. Старецъ поднялъ руку и сталъ благословлять Хорошану. „Недостойна, отче, вскричала она, недостойна благословленія, осквернивши себя на ложѣ невѣрнаго и приготовившая руки на вѣроломное убійство!“. Старецъ вѣшалъ: „Отложи намѣреніе твое, о лучшая изъ дочерей Иверіи! Не поднимай руки на хана Алла-верды, призванъ бо есть на великое дѣло: его жизнь довершитъ спасеніе нашей отчизны, его кончина воздвигнетъ обитель изъ развалинъ, надъ которыми плачу долгіе годы. Твою же тяжкую жертву освятятъ благословленіе матери-церкви и долгіи иноческіи подвигъ. Завтра повѣдай хану желаніе вкусить отъ его собственной ловитвы“. Еще благословилъ старецъ колѣнопреклоненную Хоро-

шану и стала невидимъ. Согласно ея просьбѣ, ханъ отправляется на охоту. Слѣдуетъ эпизодъ съ соколомъ и куропаткою. Пораженный ханъ молить отшельника Додо: „Отпусти мой грѣхъ, возврати мнѣ руку: отдамъ ее на служеніе народу христіанскому“. Благословеніе старца оживило руку Алла-верды, и первый лучъ вѣры проникъ въ его сердце.

Вечеромъ того же дня тавадъ Шіо и отшельникъ Додо бесѣдовали на пустынномъ берегу Алазани. Долго шла ихъ тихая, сердечная бесѣда. Наконецъ старецъ поднялся и молвилъ: „иди съ миромъ, сынъ мой, не сомнѣвайся больше: сомнѣніе спасаетъ рѣдко, губить часто. Спѣши обнадежить царя: ханъ будетъ за насъ. Придетъ онъ въ ту минуту, когда судьба битвы подниметъ вѣсы и однимъ отложитъ славу, другимъ—горькій стыдъ. Спѣши же, о лучшей изъ сыновъ Иверіи, грозный день приближается; отвези мое благословеніе нашимъ и православнымъ братьямъ нашимъ Русскимъ. Благословенъ ихъ приходъ, и благословитъ ихъ Господь великимъ будущимъ, и будетъ земля наша дщерью ихъ земли, и горы падутъ предъ ними, и народы непреклонные поклонятся имъ“.

Произошла битва. Въ рѣшительную минуту Алла-верды неожиданно ударилъ вмѣсто Грузинъ на Персидское войско, которое потерпѣло страшное поражение и бѣжало. Великодушный тавадъ Шіо найденъ въ числѣ убитыхъ, въ самыхъ первыхъ рядахъ. Надъ нимъ плакалъ молодой воинъ, въ Татарскихъ доспѣхахъ. Это была Хорошана. Съ копьемъ въ рукахъ, съ кольчугой на нѣжныхъ плечахъ, она вела хана и удерживала его въ минуты колебанія. Съ первыми бросилась она въ бой и все искала Шіо, чтобы биться съ нимъ рядомъ, но нашла уже одинъ его трупъ. „Честно сдержалъ ты свое слово, говорила она, рыдая; исполню и я твое завѣщанье—буду жить для Неба. и вся жизнь моя будетъ молитвою“. Ханъ Алла-верды получилъ смертельную рану, какъ полагають, отъ руки самаго шаха, жилъ еще нѣсколько дней, просвятился святымъ крещеньемъ и умеръ не только христіаниномъ, но и вторымъ супругомъ Хорошаны. По желанію обоихъ, церковь благословила ихъ союзъ. Поплакавъ надъ двумя могилами, Хорошана удалилась отъ міра и искупила свой высокій, но грѣховный подвигъ долгимъ подвигомъ иноческимъ.

Ханъ Алла-верды, умирая добрымъ христіаниномъ, завѣщалъ свои несмѣтныя сокровища на возобновеніе обители св. Георгія, покровителя Иверіи, близъ Телава. Она возстала въ прежнемъ своемъ величїи. Обновленіе монастыря праздновалось осенью, послѣ сбора винограда. Почти всѣ жители Кахетїи и Карталинїи съѣхались на этотъ праздникъ. Каждый, какъ это и доселѣ водится, привезъ барана и хорошій мѣхъ молодого вина. Послѣ службы, вокругъ всей обители, на огромномъ пространствѣ, дымились огни, жарились шашлыки и наполнялись азарпеші. У Грузинъ есть обычай: при угощенїи азарпешю призывать имя какого нибудь святаго, преимущественно св. Георгія, а потомъ уже произносить имена родныхъ, покровителей, благодѣтелей и благопрїятелей, какъ живыхъ, такъ и умершихъ. Когда провозглашались пер-

вья азарпешы во имя св. покровителя Иверіи, согбенный подъ бременемъ лѣтъ и духовныхъ подвиговъ, старецъ Додо, свидѣтель паденія и возстановленія обители, обходилъ станъ и приглашалъ народъ помянуть Алла-верды, довершителя побѣды надъ врагами и возстановителя святыни. И вотъ, за второй азарпешей раздалось во всемъ станѣ: *Алла-верды!* Новообращенные Татары, ближайшіе сподвижники хана, горячо откликнулись: *якши-оль!* (выраженіе полного согласія и одобренія или удовольствія). За ними и весь народъ повторилъ: *якши-оль!* *якши-оль!* Скоро народъ разнесъ эти клики во всѣ концы Грузіи, и самая обитель св. Георгія получила тогда же названіе—Алла-верды.

Пересказъ этой легенды, лишь сущность которой мы изложили, вложенъ „Есауломъ“ въ вышеназванной статьѣ въ уста Грузина; въ настоящее время орадно читать въ разсказѣ Грузина выраженія той любви и преданности къ Россіи, которыми онъ проникнуть.

Е. Козубскій.

Т.-Х.-Шура,
10 Декабря 1909 г.

